

Ланник Л.В. (Саратов)

ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РИМА И ГЕРМАНЦЕВ В IV В. Н. Э.

Римско-германское противостояние является одним из важнейших явлений в истории Римской империи. Изучение этого феномена может дать ответы на сложные вопросы о причинах падения великой империи и объяснить поражения, понесенной многочисленной и победоносной армией Рима от сравнительно малочисленных орд германцев. Определяющим периодом в многовековой истории войн Империи и германцев явилось четвертое столетие нашей эры, когда противостоящие армии столкнулись с необходимостью смены не только тактики, но и стратегии боевых действий. В данной статье социально-экономические причины изменений в армиях рассматриваться не будут, несмотря на несомненную их важность при исследовании интересующего нас вопроса. В работе будет принята попытка оценить военно-стратегические потенциалы противников и проследить перемены в их соотношении. Под военно-стратегическим потенциалом понимается совокупность ресурсов, необходимых для ведения боевых действий, при учете возможности их своевременного использования.

Долгое время основные боевые действия между противниками разворачивались вдоль Рейна. Однако к IV в. перманентное противостояние распространилось по всей северной границе Империи в континентальной Европе. Включать такую огромную и разнообразную область в пределы одного театра военных действий (ТВД) нецелесообразно, поэтому разделим римско-германский фронт на несколько более мелких ТВД: Рейнский (вдоль лимеса от Северного моря до озера Констанц), Дунайский (Реция, Норик, Паннония) и Балканский (Мезия).

Охарактеризуем географические особенности каждого, начиная с Рейнского. Здесь основные боевые действия разворачивались в пределах 200 км. по обе стороны от Рейна, контроль над которым являлся одной из важнейших задач воюющих сторон. Наиболее интенсивные столкновения происходили вокруг богатых городов Галльского диоцеза, а затем в междуречье Рейна и Майна. Общая протяженность этого ТВД была достаточно велика, но варварам приходилось ограничиваться сезонными и кратковременными грабежами до тех пор, пока они не смогли базироваться на левом берегу Рейна, то есть в Тоскандрии, в провинциях Германия Верхняя и Максима Секванорум. Военные действия проходили преимущественно в теплое время года, так как основным родом войск германцев была кавалерия. Не имея достаточно фуража, варвары ориентировались на грабеж римских запасов. Римляне, наоборот, старались избежать любых операций на территории Германии, памятуя о судьбе Вара и не имея мобильных частей для действий в непроходимых лесах. Римский лимес, прорванный варварами окончательно в 274 г., был перенесен на верхний Рейн, оставлены Декуматские

поля; Диоклетиан провел масштабную кампанию по возведению новых укреплений и реконструкции старых. Здесь Империю в начале IV в. защищали около 80 тыс. солдат.

Дунайский ТВД по протяженности не уступал Рейнскому и являлся стратегически важным рубежом, прикрывавшим сердце Империи. Рим в случае поражения на этом направлении был досягаем для варварских конных разъездов, что и заставило Аврелиана возвести для Вечного Города новые стены. В IV в., тем не менее, этот ТВД потерял свое первостепенное значение. Гористый характер местности позволял римлянам легко предотвратить вторжение при условии контроля над основными перевалами в Альпах и переправами через Дунай. Здесь же существовал наиболее старый и широкий пояс федератов — союзных Риму племен, поставлявших отряды под командованием своих вождей в имперскую армию.

Ситуация на Балканском ТВД резко обострилась после потери Дакии, так как существенно увеличилась уязвимая для набегов территория, оборонять которую римляне были не готовы, к тому же сравнительно мягкий климат позволял варварам совершать нападения круглый год. В начале IV в. здесь усилились готы при сохраняющейся высокой роли сарматов. Значение этого ТВД необычайно возросло в связи с переносом столицы в Константинополь.

Безусловно, людские и экономические ресурсы Империи на порядок превышали суммарные ресурсы всех германских племен. Усилиями Диоклетиана и Константина армия была доведена до 600 тыс. человек, причем теоретически Империя выдержала бы несколько мобилизаций в случае больших потерь. Уже в 14 г. н. э. ценз показал 5 млн. граждан Империи при общем числе жителей в 54 млн.¹ По оценке английского исследователя Уэллса, население Европы в IV столетии составляло 35–40 млн., из них около 25–30 жило в Империи². Учитывая жертвы, на которые оказался способен Рим во вторую Пуническую войну, Империя могла бы мобилизовать еще до 2 млн. человек при условии той же самоотверженности крайне, впрочем, сомнительной на этом этапе развития римского народа. С.А. Лазарев приводит данные, показывающие, насколько трудно было привлечь на военную службу даже штатное число рекрутов из граждан Римской империи, несмотря на введение Диоклетианом новаторского метода комплектования армии — конскрипции³. Варвары же зачастую шли на службу охотно и достигали иногда значительных командных постов, в связи с чем зависимость боеспособности имперской армии от германских контингентов непрерывно росла.

¹ Советская историческая энциклопедия. М., 1969. Т. 12. С. 75.

² *Никишин В.О.* Рец. на: *Wells P.S.* The Barbarians Speak: How the Conquered Peoples Shaped Roman Europe // *Studia historica*. 2004. № IV. С. 177.

³ *Лазарев С.А.* Римская армия в период поздней империи // www.ancientrome.ru

Численность германцев была намного меньше — Центральная и Восточная Европа просто не могла прокормить значительное население, что имело своим результатом миграции и натиск на римские границы. К IV в. участие в войнах с Римом стали принимать племенные союзы из глубины Германии — бургунды, вандалы и др. В любом случае, численность самого крупного племенного союза не превышала нескольких сотен тысяч человек, зачастую же она была гораздо меньше. Совокупная численность германцев составляла, вероятно, несколько миллионов человек, из которых непосредственно контактировало с Империей вряд ли более миллиона. До Великого переселения народов, как правило, в столкновениях участвовали только дружины знати, численностью каждая не более тысячи человек. Рост знати и дифференциация в германском обществе привели к увеличению численности банд варваров, грабивших римские территории. Однако, уже с середины III в., как указывает В.Н. Дряхлов, в набегах начинает принимать участие и масса простых общинников⁴. Начинается открытое переселение на пограничные имперские земли. Со временем крупные племенные союзы стали выставлять большие армии даже по сравнению с римскими. Например, в битве при Аргенторате в 357 г. участвовало 35 тыс. аламаннов.

Вооружение германцев, совершив эволюцию под влиянием римских образцов, к IV в. не уступало римскому в качестве и степени обеспечения им воинов. Безусловно, боевой техникой варвары не обладали и разнообразием образцов похвататься не могли, но в условиях партизанской войны и лесистой местности это им не было необходимо. Римляне же во многом утратили профессиональную тяжелую пехоту и не смогли организовать собственную эффективную конницу; им приходилось надеяться на те же отряды федератов, которые прибывали не всегда вовремя и могли вообще сохранять нейтралитет. Породы скота у германцев существенно улучшились за века контактов с Римом, вследствие чего их конница превратилась в основной род войск, намного превосходящий своего римского оппонента в профессионализме и мобильности при паритете в качестве оружия и коней.

Об остальных родах войск следует сказать, что устойчивость и слабая уязвимость римской пехоты при наличии грамотного командования по-прежнему гарантировала римлянам победу над численно превосходящими силами варваров. Германцы могли рассчитывать на победу над римскими легионерами только за счет лучшего ориентирования на местности и в случае грубых ошибок римских военачальников. При решительном и постоянном контроле за дисциплиной римская армия превращалась в совокупность отрядов, каждый из которых профессионально владел определенным видом оружия и был ориентирован на выполнение своих специфических задач на поле боя. Несмотря на общий невысокий

⁴ Дряхлов В.Н. Войны германских племен с Римом в III в. и их влияние на развитие древнегерманского общества на Рейне // ВДИ. 1987. № 2. С. 161.

уровень конницы, в результате попыток создания тяжелой кавалерии на Востоке для противостояния персам, в имперской армии появились клибанарии, о которых Аммиан Марцеллин пишет (Аmm. XVI.12.22, пер. Ю.В. Кулаковского): “...конный боец, как бы ни был он ловок, в схватке с нашим клибанарием, держа узду и щит в одной руке и копьё на весу в другой, не может причинить вреда нашему закованному в железо воину...”. Еще при Аврелиане были созданы отдельные от пехоты отряды легионарной кавалерии, получившие известную самостоятельность в боевых действиях. Наметившаяся тенденция постепенной замены тяжеловооруженных пехотинцев легковооруженными войсками и кавалерией привела во второй половине III в. к созданию целой конной армии. Ядром этой кавалерии были элитные силы легковооруженных всадников из Далмации, чья воинская доблесть единодушно прославлялась поздними писателями⁵. Однако уже к середине века все крупные кавалерийские части оказались сконцентрированы против Сасанидов, лишь изредка участвуя в действиях против сарматов на Балканах.

Нечастое внимание императоров к германской проблеме на Рейне и среднем Дунае заставляло каждый поход проводить с максимальным количеством войск, которые можно было собрать в приграничных провинциях. Карательные меры проводились крайне жестоко, но только в случае невозможности привлечь варваров на службу или заключить мирное соглашение. Большую же часть времени римляне оборонялись в крепостях по укрепленным линиям. Это обстоятельство, а также крайне невысокие оборонительные способности германцев (сражаться приходилось только за награбленное) определяли тактику варваров. Они вели войну на имперской территории мелкими отрядами, избегая крупных столкновений, и наносили удары по любым недостаточно защищенным целям. В случае приближения значительных римских сил они отходили на свою территорию. При вторжении римлян в их земли германцы применяли тактику “выжженной земли” либо немедленно вступали в переговоры. Договоренности выполняли только до тех пор, пока варвары могли себе позволить обходиться без грабежа.

Важным обстоятельством было то, что Империя могла не опасаться грозных последствий разорения приграничных областей и баз — Египет и другие житницы государства могли снабдить войска провиантом. Германцы же в случае сожжения своих деревень и полей стояли перед реальной угрозой голода и падежа скота, что неминуемо бы привело к утрате боеспособности и возможной гибели. Более того, снабжение по великолепным римским дорогам не представляло особенного труда, в то время как германцы, даже если бы они располагали запасами провианта в тылу, не смогли бы оперативно доставить его к месту боевых действий. Отсюда рейдерская тактика и кратковременность походов, заинтересованность в успешной доставке на родину награбленного скота и продовольствия.

⁵ Лазарев С.А. Указ. соч.

Римляне, наоборот, в своих массированных операциях сильно зависели от снабжения, от состояния транспорта. При затруднениях они предпочитали отступить даже в самой победоносной кампании. Если на этот шаг не решался сам полководец, его требовала армия, подобно тому, как это произошло с императором Юлианом в 358 г. Это обуславливало невозможность оперативно закрепиться в захваченной местности, каждый раз требовалась долговременная программа постройки инфраструктуры, налаживания регулярных связей с цивилизованными регионами Империи. При эпизодических походах это было, естественно, невозможно, поэтому большинство императоров предпочитали не основывать новые провинции и города, а отдавать спорные земли германцам за обязательство воевать на римской стороне. Слой федератов был более выгоден, нежели освоение труднодоступных местностей Центральной Европы, даже если они оказывались богатыми полезными ископаемыми, как, например, интенсивно разрабатываемые римлянами во II в. серебряные рудники на реке Липпе⁶.

На всех ТВД римляне находились в постоянной стратегической обороне, совершая изредка локальные карательные походы вглубь варварской территории, что позволяло на несколько лет обеспечить покой на отдельном участке границы и пополнить ряды варварских контингентов в самой римской армии. Германцы же, наоборот, полностью владели наступательной инициативой, существенно расширив область действий и создав легкую кавалерию, которая намного превосходила римскую по мобильности и тактической грамотности. Любая пассивная оборона требует от обороняющегося значительного превосходства в силах по сравнению с владеющим инициативой соперником. Такого превосходства на всем протяжении обороняемых рубежей римляне создать никогда не могли.

Причины последовательно оборонительной политики нуждаются в некотором объяснении. Император Адриан и его преемники подарили Риму несколько десятилетий мира и процветания, но именно поэтому сразу после “золотого века” возникли трудноразрешимые внешнеполитические проблемы на всех фронтах. Перестав расширяться на “полном ходу” (успехи Домициана и Траяна), Империя предоставила своим врагам передышку и возможность перенять опыт победителей. Германцы воспользовались ею и последующим кризисом, вероятно, более всех, развив свое сельское хозяйство, создав новые крупные объединения, наладив союзнические связи друг с другом, собрав сведения о римской тактике, модифицировав свои вооруженные отряды. Они ждали проявления слабости Империи, и оно последовало после заключения Коммодом мира в 180/81 г.

С другой стороны, вполне закономерен вопрос о целесообразности завоевания Центральной Германии, Месопотамии, севера Британии и некоторых других пограничных регионов. Удерживать их было необычайно тяжело, освоение требо-

⁶ Schönberger H. The Roman Frontier in Germany: an Archeological Survey // JRS. 1969. Vol. 59. P. 167.

вало (не считая Месопотамии) огромных ресурсов и новых сельскохозяйственных приемов, так как надо было приспособливаться к другому климату, отличному от средиземноморского. Опыт освоения одного такого региона имелся — Дакия. Напомним, что Овидий, сосланный в причерноморские Томи, называл их “суровым севером”. Что уж говорить о гористой центральной Дакии — она, вероятно, воспринималась еще более остро. Даки были цивилизованнее германцев, и некоторая их часть относительно успешно романизировалась, но Аврелиан оставил огромную Дакию, “отчаявшись в возможности удержать ее” (SHA. *Aurel.* 39.7), так как эта провинция с трех сторон была окружена варварами. Впоследствии поиск более легких путей и более удобных рубежей дорого дался Риму. Кроме того, после эдикта Каракаллы часть варварского населения должна была получить гражданство, а, учитывая разницу в социально-экономическом развитии, это было довольно затруднительно. Войти на равных эти территории в Империю попросту не могли. Огромное преобладание неиталийского населения заставляло задуматься, скорее, о более эффективном контроле над уже завоеванным, нежели о новых завоеваниях. Со временем эта проблема ничуть не ослабла, а стала еще острее ввиду вырождения и пассивности основного народа Империи.

С учетом всех этих соображений стратегическая оборона представляется вполне оправданной, хотя и неэффективной. Германцы же, испытав положительное воздействие достижений римской экономики и культуры, по-видимому, столкнулись через некоторое время с демографическим взрывом, который быстро поглотил все резервы и создал относительное перенаселение на занимаемых ими землях⁷. Соседние племена — славяне и сарматы были примерно в том же положении и даже в случае покорения не могли дать германцам избыток освоенной плодородной земли. Поэтому им оставалось только нападать на Рим и делать это непрерывно, чтобы набегами как-то урегулировать соотношение населения и получаемого урожая. Когда же подпитываемое грабежами хозяйство вновь оказалось неспособно прокормить растущее население, началось переселение, которое после разгрома готов гуннами приняло катастрофический характер⁸.

Помимо прямой конфронтации, всегда есть возможность попробовать добиться своего дипломатическим путем. Его первым глобально применил Марк Аврелий, создав на Дунайском ТВД слой федератов, которые призваны были остановить германскую агрессию германскими же руками. Возможно, он основывался на примере батавов, которые со времен Августа успешно сотрудничали с Римом на нижнем Рейне. Критиковать эту политику затруднительно, так как федераты, получив желаемое — землю, вполне лояльно вели себя по отношению к Империи и сражались против своих соплеменников порою лучше самих рим-

⁷ *Randsborg K.* Barbarians, Classical Antiquity and the Rise of Western Europe: an Archeological Essay // PP. 1992. Vol 137. P. 23.

⁸ *Heather P.* The Huns and the End of the Roman Empire in Western Europe // The English Historical Review. 1995. Vol. 110. № 435. P. 41.

лян. Многие племена за два столетия пополнили ряды федератов, после побед Юлиана из числа наиболее грозных противников Рима выбыли аламанны и франки, получив Декуматские поля и Тоскандрию, то есть уже освоенные римлянами плодородные земли в составе Империи. Свидетельств активного участия этих племен во вторжениях IV–V вв. нет. Таким образом, федераты решали многие проблемы, но обладали существенными недостатками, которые в итоге оказывались решающими. Во-первых, они также, как и римские войска, находились в стратегической обороне, что делало их обыкновенными имперскими гарнизонами на границе; во-вторых, они были слишком малочисленны, даже по сравнению с размещенными войсками, чтобы сдерживать набеги. В конце концов, они занимали земли, а их фонд, даже несмотря на неблагоприятную демографическую ситуацию III–IV вв., не был безграничным⁹. Ничего принципиально нового в деле сдерживания германцев федераты не несли. При вторжении огромного количества варваров они просто давали им дорогу, что было вполне оправдано в условиях отсутствия на Рейне и Дунае регулярной поддержки от императоров. По свидетельству Аммиана, германцы-федераты упорнее сражались по сравнению с разложившимися римскими частями. Он замечает по поводу командиров федератов: “все они были римляне, что в наше время случается не часто” (Амм. XXI.16.8). Чтобы маневрировать частями из федератов, их надо было зачислить на регулярную службу, а это было затруднительно. Империя и так с трудом содержала набранную стараниями Диоклетиана и Константина беспрецедентно большую армию. При этом одна из самых важных составляющих их реформ заключалась именно в создании армии “быстрого” реагирования, что указывает на остроту проблемы оперативной реакции на германские вторжения. В полевую армию отбирали лучших из лучших, что еще более обостряло кадровые проблемы в пограничных частях. На протяжении IV в. римскую армию терзали коррупция, дезертирство, кумовство чиновников, просто невнимание и нежелание императоров заниматься разрешением проблем на Рейне и Дунае. Издавались все более грозные декреты по борьбе с дезертирством и уклонением. При Валентиниане I дело дошло до введения сожжения заживо для пойманных дезертиров¹⁰. Впрочем, ужесточение мер ясно указывает на неэффективность предыдущих указов по вине исполнителей на местах.

После деятельных Диоклетиана и Константина, сумевших удержать основную территорию Империи и приостановить германский натиск, Констанций II с братьями прочно перешел к восточной политике и установлению единоличной власти, бросив западные и северные границы на произвол своих ставленников. Констанций активно воевал на Балканах и даже присвоил себе прозвище Сар-

⁹ Словарь античности / Пер. с нем. под ред. В.И. Кузищина. М., 1989. С. 374.

¹⁰ Лазарев С.А. Указ. соч.

матский, хотя воевал там не только и не столько с сарматами, сколько с готами и бастарнами. Окончательный перенос центра тяжести внешней политики на Восток имел определенный смысл, так как там теперь была столица и были свои тяжелые проблемы. У Империи было вообще слишком много врагов, среди которых германцы и персы занимали особое место. Противостояние государств, владеющих Малой Азией и владеющих Ираном, не затихало с I в. до н. э. до XVIII в. н. э. и так и не привело к определенному результату. Поэтому Империя нуждалась в перемирии хотя бы на одном из важнейших направлений и во внутреннем спокойствии. Констанций II предпочел помириться с германцами и пытался это сделать в 353–354 гг., предлагая мир аламаннам, даже не переходя за Рейн. Они согласились, но, так как земли по договору не предоставлялись, через год возобновили свои набеги. Прочного мира не было, возможности начать большую войну против Сасанидов — тоже. Она появилась после победы при Аргенторате в 357 г., и Констанций немедленно ею воспользовался, но из-за мятежа Юлиана не смог ее завершить. Сам Юлиан, установив мир на Западе, был недалек от великого триумфа, но неожиданно погиб. На предложение воевать с готами в 362 году Юлиан ответил, что имеет лучших врагов — персов¹¹. С ним было согласно большинство императоров. С Юлианом погиб и мир с германцами. Уже Валентиниан I вынужден был вести затяжную войну против аламаннов и бургундов, а после победы над ними совершил марш, чтобы усмирить на среднем Дунае квадов. Там он вскоре скончался. Валентиниан I являлся исключением в ряду императоров, так как он предпочитал западное направление восточному¹². Уже Валент столкнулся с переселением готов и при Адрианополе погубил лучшие части с востока Империи. После Феодосия ввиду невозможности одновременно оборонять Запад и Восток Империя была разделена. К 401 г. Италия уже была накануне первой готской попытки взять Рим.

Явное превосходство в людских и экономических ресурсах теряло смысл при отсутствии надежных связей между проблемными регионами и императором. Подобно этому в Первой Мировой войне в течение 1914 — начале 1916 г. Антанты, имея подавляющее превосходство в ресурсах и количестве мобилизованных солдат, не могла вести успешную войну против Германии и Австро-Венгрии, а затем и Турции с Болгарией. Грубые стратегические ошибки командования стран Антанты и более выгодное географическое положение Центральных держав от-

¹¹ *Millar F. Emperors, Frontiers and Foreign Relations, 31 B. C. to 378 A. D. // Britannia. 1982. Vol. 13. P. 21.*

¹² *Ibid. P. 22.*

носителем друг друга позволили Германии несколько раз поставить своих врагов на грань сокрушительного поражения.

Возвращаясь к поздней Империи, ситуацию можно резюмировать так: армия не могла справиться без изменения стратегии действий против германцев, а изменить ее правительство Империи не смогло. Сначала было выбрано другое направление политики, а затем просто не было возможности — не было боеспособной армии, не было рекрутов, не было денег, чтобы платить войскам, не было земель, чтобы предложить их новым германским племенам за службу. Характерной чертой всей позднеримской военной организации являлось стремление сражаться против врагов Римской империи их же оружием. Такое копирование вражеского образа действий далеко не всегда было оправдано и зачастую приводило римлян к тяжелым поражениям. Таким образом, римляне добровольно утратили инициативу не только в стратегии, но и в поиске новых приемов использования имеющихся и создания принципиально новых войск. Они постоянно сталкивались с новыми трудностями из-за активности стремительно меняющихся и прогрессирующих варваров. Можно согласиться с С.А. Лазаревым, который высоко оценил энергию и предприимчивость императоров поздней Империи¹³. Действительно, вплоть до распада в 395 г. целый ряд деятелей предпринял масштабные и смелые попытки частичными реформами, в первую очередь, в военно-административной сфере приостановить крушение Рима. Их ошибка заключалась, может быть, только в том, что они сделали это слишком поздно и по заимствованным образцам.

Таким образом, в течение IV столетия мощь Империи относительно германцев упала от состояния паритета и возможности наносить мощные контрудары при Константине до потери контроля за приграничной Галлией при Констанции II и, наконец, до распада на две части и нарушения связи Италии с другими регионами из-за контроля готов над Иллирией и Нориком к 401 году. Мощь и численность германцев непрерывно росла, несмотря на уход части их в федераты. Все новые и новые племена из глубины Центральной и Восточной Европы вливались в атакующие орды, быстро овладевая приемами борьбы против редющих римских гарнизонов. Римская дипломатия зачастую оказывалась бессильна “разделять и властвовать”: с 370-х годов германцы проводили совместные антиримские походы на всех ТВД от нижнего Рейна до Черного моря. Огромные ресурсы, которыми располагала Империя, к концу IV в. оказались в распоряжении германцев, так как императоры уже не могли мобилизовать их и

¹³ Лазарев С.А. Указ. соч.

защитить от захвата германцами. Имевшийся к началу века проигрыш в стратегии из-за неудачной политики дополнился окончательным падением престижа Рима после битвы при Адрианополе и потерей всяких выгод от превосходства в уровне экономического развития.